

Вдоль русла реки вилась и уходила вниз узкая грунтовая тропинка.

Пэй Жун, неся в руках бамбуковое удилище, не спеша спускался по этой тропке к самому подножию обрыва, где берег подступал к воде ближе всего.

Там, у самой кромки реки, уже устроились несколько деревенских рыбаков, каждый из которых облюбовал себе уединенное местечко.

Среди них сидел и Пэй Яо. Широко расставив ноги, он устроился на большом валуне; в зубах у парня торчала травинка лисохвоста, левый локоть упирался в колено, а ладонь подпирала щеку. С видом полнейшей скуки он дожидался, пока рыба соизволит заглотнуть наживку.

— Что, Фэннянь не пришел? — подойдя ближе, с улыбкой спросил Пэй Жун и мимоходом заглянул в плетеный садок у ног приятеля.

Там плескались всего две мелкие рыбешки.

Пэй Яо досадливо цыкнул языком:

— Да где там! В поле спину гнет. Матушка его припахала, следит в оба глаза, так что вырваться у него не было ни единого шанса.

— Оно и понятно, — Пэй Жун сделал еще несколько шагов вперед, пробуя носком сапога прибрежную почву на прочность.

Убедившись, что земля под ногами сухая и твердая, он устроился на корточках.

Выудив из садка завернутых в широкий древесный лист дождевых червей, он ловко насадил одного на крючок и размашистым движением забросил леску в речную гладь.

Места на этом пятачке было не так много, и, кроме них двоих, здесь пытали удачу еще двое односельчан — Пэй Чэн и Пэй Цзицзун.

С Пэй Цзицзуном у Пэй Яо отношения, мягко говоря, не ладились, но, если разобраться по совести, кровной вражды между ними не было, так что до смертоубийства дело не доходило.

К тому же место здесь было на редкость уловистое, с какой стати Пэй Яо должен был сматывать удочки и уступать его какому-то недоумку?

Оттого, за исключением бедняги Пэй Чэна, который оказался зажат меж двух огней и время от времени вставлял словечко-другое, дабы разрядить обстановку, остальные двое рыбаков хранили угрюмое молчание.

С приходом Пэй Жуна у Пэй Яо наконец-то появился собеседник, ведь парни исстари ладили друг с другом.

Разговаривали они вполголоса, терпеливо выжидая поклевку.

Слово за слово, разговор перетек на деревенские сплетни: стали перебирать, в каких домах нынче подыскивают невест да шуаньэров для подросших сыновей. Завели речь и о Ян Фэнняне — поговаривали, будто его матушка уже всюю засылает свах, и, по слухам, дело вроде как сдвинулось с мертвой точки.

Пэй Яо и Пэй Жун весело переглянулись и дружно хохотнули, мысленно пообещав себе при

первой же встрече устроить Ян Фэнняню допрос с пристрастием. Ишь, скрытный какой, таится от верных друзей и ни словом не обмолвился!

Слушая их перешептывания, Пэй Чэн втайне вздыхал от зависти. Семья его жила бедновато, и буквально на днях он слышал, как отец сокрушался по поводу его женитьбы. Коли брат девушку или шуаньэра из приличного дома, за них и выкуп надобно поднести подобающий, а где взять такие деньги? Это же целое состояние выложить придется!

У Пэй Цзицзуна дома дела обстоят не лучше. У него подрастал младший брат Пэй Цзицзу, оба они были крепкими мужчинами, и на свадьбу каждого требовались немалые расходы.

Когда они были мальчишками, Пэй Цзицзун с братом частенько поносили Чанся бранными словами, за что Пэй Яо подрался с ними. Братья тогда в пух и прах проиграли кулачный бой и признали поражение, а Чэнь Чжи вдобавок явился к их воротам и обругал всю их родню до седьмого колена. С тех пор отношения между двумя семействами были, мягко говоря, натянутыми.

А уж когда семья Пэй Яо отстроила себе просторную новую усадьбу, домашние Пэй Цзицзуна и вовсе изошли желчью от зависти.

Пэй Цзицзун вдруг громко хмыкнул и с презрением выплюнул:

— Тоже мне, сватовство! Да вы небось девку за задницу ни разу не потрогали, жизни не видели! Мальчишки желторотые, право слово.

Стоило этим словам сорваться с его губ, как остальные трое парней разом обернулись и уставились на него.

Пэй Жун язвительно усмехнулся и со смешком спросил:

— Ишь ты! Неужто сам-то трогал, а, Цзицзун?

И дело было вовсе не в том, что он презирал парня, просто с такой сопливой рожей, как у Пэй Цзицзуна, едва ли какая девка согласилась бы лечь с ним рядом, даже коли он сам ей приплатит.

Все они выросли в одной деревне, и Пэй Жун прекрасно видел, что тот попросту бахвалится, сияясь казаться умудренным опытом мужем.

И действительно, от такой колкости лицо Пэй Цзицзуна вмиг налилось пунцовой краской, и он завопил, сорвавшись на крик:

— Трогал я или нет — не твоего ума дело! Тебе-то что за забота, язык так и чешется?!

Пэй Жун, в отличие от него, из себя не выходил и с легкой улыбкой переспросил:

— Ну так и всё же — трогал или как?

— А вот не скажу! Мое дело! — продолжал истошно орать Пэй Цзицзун, заладив одно и то же.

Пэй Яо слушать эти вопли надоело. Он терпеть не мог пустых хвастунов, которые горазд сотрясать воздух ради бахвальства, оттого холодно бросил:

— Ладно тебе, Жун-цзы, брось расспросы. Тут и так всё ясно как божий день. Ты гляди, он

своими криками всю рыбу распугал.

Пэй Цзицзун от этих слов разъярился еще пуще и ищущим поддержки взглядом зыркнул на Пэй Чэна.

Но Пэй Чэн лишь презрительно скривил губы и упорно смотрел на поплавок, всем своим видом показывая, что тоже не поверил ни единому слову.

Лицо Пэй Цзицзуна стало багровым. Он-то думал блеснуть перед парнями своим «опытом», а в итоге оказался в глупейшем положении, отчего внутри у него всё klokотало от ярости.

Пока он в одиночку исходил злобой, у Пэй Яо клюнуло, и он выудил приличную рыбину, а следом за ним и Пэй Чэн подсек добычу.

У Пэй Чэна рыбина оказалась крупной, и он с сияющим видом воскликнул:

— Глядите-ка! Ну и везет мне сегодня, это уже вторая крупная рыба за утро!

— Чэн-цзы, в город на рынок сегодня повезешь? — поинтересовался Пэй Яо.

Опуская рыбину в садок, Пэй Чэн отозвался:

— Само собой! Нам самим столько не съесть, а выручить за нее пару монет — самое то.

Пэй Яо кивнул:

— Тогда вместе пойдем.

— Ладно, вдвоем-то на дороге веселее будет, хоть перекинемся словечком, — согласился Пэй Чэн.

Все трое напрочь игнорировали Пэй Цзицзуна, но тот, не желая признавать поражение, снова взялся за старое и с самым высокомерным видом процедил:

— И это вы называете крупной рыбой? Вот помнится, в прошлом году я вытащил карпа без малого на семь цзиней!

Пэй Жун уже занес руку, чтобы поковырять в ухе да обложить хвостуна крепким словом, но Пэй Цзицзун оказался шустрее на язык.

— Я как рыбу продал, мимо Павильона красного благовония (Хунсян) [публичный дом] шел. Так там у крыльца да на балконах такие девки да шуанъэры стояли — у каждого задница с добрый чан! Не успели они в двери войти, как мужики, что их под ручку вели, прямо при всех их за эти места хватали. А пара девок мне и вовсе крутить задом принялись, да только я сам не захотел руки марать, брезгую.

Наконец-то высказался!

Пэй Цзицзун распибался так, что слюни летели во все стороны, но утираться не спешил — на сердце у него наконец-то полегчало.

Пэй Яо, Пэй Жун и Пэй Чэн лишь дружно и тяжело вздохнули. Надо же, этот дурак всё-таки нашел лазейку, чтобы вставить своё слово .

В ответ на его пламенную речь раздались лишь эти унылые вздохи, и больше никто не проронил ни звука. Разговор мгновенно увял.

Пэй Цзицзун не успел толком насладиться триумфом, как снова остался в дураках, отчего у него от злости лицо перекошило.

Пэй Чэн святошей не был — в конце концов, он не раз тайно брал у Ван Сяочжоу заветные книжки с картинками, кое-какие понятия имел, да и кровь в нем бурлила молодая. Жаль только, собственной жены в доме пока не водилось. Оттого при упоминании Павильона красного благовония перед его мысленным взором тут же предстали те бесстыдные и страстные ласки, свидетелем которых он когда-то мимоходом стал проходя мимо.

Он шумно сглотнул слюну, но, вспомнив последнюю фразу Пэй Цзицзуна, лишь раздраженно закатил глаза.

«Тоже мне, брезгует он! Небось, когда рыбу продавал, нарочно круг сделал, чтобы у ворот публичного дома потереться да на девок поглазеть, думает, мы не раскусили его умысел!»

Пэй Жуну было просто лень тратить бранные слова на этого идиота.

Что же до Пэй Яо, то он и вовсе презирал Пэй Цзицзуна, а уж эти его грязные речи про чужие задницы вызывали у него одно лишь отвращение.

Солнце мало-помалу взошло в самый зенит. Пэй Яо и Пэй Чэн принялись сматывать удочки — улов в их садках оказался весьма недурным.

Пэй Жун пришел позже всех, оттого и рыбы у него было поменьше, но он не грустил: ради четырех-пяти мелких карасиков тащиться на городской рынок смысла не было, проще дома зажарить да съесть.

Пэй Цзицзун, оставшись в дураках, извелся от неловкости. Видя, что приятели на него и не смотрят, он совсем посуrowел лицом и теперь волком зыркал на каждую травинку у воды.

Когда Пэй Яо с товарищами двинулись вверх по узкой тропке, Пэй Цзицзун лишь презрительно фыркнул им вслед, силясь сохранить лицо.

— Проваливайте-ка подобру-поздорову, теперь весь этот берег мой, где пожелаю — там и закину леску!.

Пэй Чэн шел последним. Услышав это змеиное шипение за спиной, он лишь пренебрежительно скривил губы. Поначалу он еще выказывал хоть какое-то приличие, но теперь и у него пропало всякое желание знаться с этим придурком.

Выбравшись на крутой косогор над рекой, Пэй Жун обернулся, бросил взгляд на торчащее у воды длинное бамбуковое удилище и с усмешкой промолвил:

— Надо же, гордость из него так и прет, постеснялся с нами вместе пойти. Да только не сообразит никак: время-то к обеду, а он всё сидит там коршуном у воды. Неужто и впрямь брюхо не подводит?

Пэй Яо со смешком отозвался:

— Он ведь притащился на реку еще раньше меня. Раз сидит — значит, голода не чувствует.

Пэй Чэн поддакнул:

— Мы ведь вместе с ним из деревни вышли. У меня самого в животе уже марш играют, эх! Да бог с ним, пускай сидит, поспешим к родному порогу, пообедаем — да в город, рыбу сбывать.

Налетел легкий ветерок, подернув речную гладь мелкой рябью. Вокруг не было ни души, стояла сонная тишина, и лишь прибрежный камыш тихонько качался из стороны в сторону.

Пэй Цзицзун изо всех сил держал спину прямо, силясь сохранить независимый вид, как вдруг в его утробе раздалось громкое, отчетливое урчание. Плечи его со стыда мигом поникли. Парень одновременно сгорал от стыда и злился на весь белый свет, и лишь втайне радовался, что свидетелей его позора рядом не оказалось.

Уже как четверть часа он чувствовал сильный голод, но ему приходилось терпеть из последних сил: уйти раньше этих троих означало бы показать слабость и без боя уступить им такое знатное место.

Вот только теперь от былой спеси и стойкости под натиском голода не осталось и следа.

*

Не успев дойти до дома, Пэй Яо еще издали приметил на дороге знакомый силуэт.

Чанся и Ван Сяочань, согнувшись под тяжестью бамбуковых корзин, о чем-то увлеченно беседовали с Пэй Вэньцином.

Брови Пэй Яо тут же сошлись на переносице, а шаг стал заметно быстрее.

Пэй Чэн к тому времени уже свернул на тропку, что вела за чужие огороды к его дому, а Пэй Жун, которому было по пути с Пэй Яо, знатно удивился, заметив, как друг припустил во всю прыть.

Пэй Вэньцин тем временем раздавал Чанся и Ван Сяочаню дикие спелые плоды.

Его семья приходилась родственниками дому Пэй по одной родовой линии, так что Чанся и Пэй Яо по правилам должны были величать его двоюродным братом.

Пэй Вэньцин был всего на год старше Чанся, в этом году ему исполнилось двадцать лет. Лицом он вышел самым обыкновенным, да и семья его богатством не блистала.

Года два назад родители подыскали ему невесту, и прошлой осенью дело шло к свадьбе, да только родня невесты позарилась на более богатый выкуп от другого жениха и позорно расторгла помолвку. Семья Пэй Вэньцина терпеть такую обиду не стала: они закатали знатный скандал, долго трепали друг другу нервы, но в итоге вернули свои деньги, а сватовство, понятное дело, пошло прахом.

Глядя на дикие ягоды, которые протягивал Пэй Вэньцин, Чанся замялся и не спешил протягивать руку.

Раз приемыш не брал угощение, то и Ван Сяочань, естественно, скромно держался в стороне.

Пэй Вэньцин покосился на Ван Сяочаня и с мягкой улыбкой обратился к Чанся:

— Братец тебе от чистого сердца дает. Мы ведь сородичи, не чужие люди, бери, не стесняйся.

На двоих как раз разделите да полакомитесь.

— И что это мы тут делим? — с ледяным лицом осведомился Пэй Яо, в два широких шага очутившись рядом с ними.

Пэй Вэньцин дружелюбно улыбнулся:

— Да вот, пара диких плодов всего. Сам я к ним не охоч, а тут как раз повстречал брата Ся и брата Чан.

Чанся решительно не знал, как поступить. В деревне пожилые тетушки да дядя порой подносили ему плод-другой, но вот с молодыми мужчинами он подобных дел отродясь не водил, оттого по привычке ищущим взглядом уставился на Пэй Яо.

Пэй Яо заметил, что взгляд Пэй Вэньцина то и дело косится на Ван Сяочаня, и тут до него дошло. На сердце у парня необъяснимым образом отлегло.

Поймав на себе вопрошающий взор приемыша, он буркнул:

— Раз брат дает — бери, чего уж там.

Чанся ничего не оставалось, как принять угощение.

Пэй Вэньцин держал руки открытыми, и плодов в каждой ладони было поровну, так что со стороны казалось, будто он никого из парней не выделяет.

Ван Сяочань еще немного поколебался, но, видя, что Чанся взял свою долю, тоже несмело протянул руку.

— Ну, я пойду, пожалуй, — промолвил Пэй Вэньцин и задерживаться более не стал.

Чанся и Ван Сяочань проводили его взглядами, оба пребывая в легком замешательстве.

— Чего смотрите? — с явным недовольством в голосе оборвал их Пэй Яо.

Чанся вмиг пришел в себя и перестал смотреть вслед ушедшему.

Ван Сяочань робко покосился на Пэй Яо, рядом с которым стоял помалкивающий Пэй Жун. По характеру Сяочань был застенчивым, с деревенскими парнями разговоров никогда не заводил, оттого лишь тихонько шепнул Чанся:

— Я тоже домой пойду.

— Угу, — кивнул Чанся.

Пэй Жун перевел взгляд с Пэй Яо на Чанся, в голове у него что-то щелкнуло, и на лице отразилось полнейшее умиление.

Он втайне цыкнул языком, после чего дружески похлопал Пэй Яо по правому плечу и бросил:

— Ну, бывай.

У дороги остались только они двое.

Стоило Чанся сделать шаг вперед, как рука Пэй Яо бесцеремонно нырнула к нему в ладонь и силой выудила все полученные плоды.

Чанся отнимать добычу обратно не стал — руки освободились, и то ладно. Поправив наплечные лямки тяжелого короба, он продолжил путь к дому и тихонько спросил:

— Ты съесть их хочешь?

Пэй Яо небрежно бросил:

— Угу.

«Раз хочет съесть — пускай ест», — подумал Чанся и больше вопросов не задавал.

Пока они шагали по тропе к родной усадьбе, Пэй Яо вдруг ни с того ни с сего промолвил:

— А брат Вэньцин, кажись, на Ван Сяочаня глаз положил.

Чанся от изумления даже остановился и во все глаза уставился на названного брата.

Пэй Яо подбросил плод на ладони, ловко поймал его и ухмыльнулся:

— Тебе он эти плоды сунул лишь для отвода глаз. На самом-то деле он Сяочаня задобрить хотел, а ты так, до кучи попался, для прикрытия.

— Ах, вот оно что! — у Чанся в голове наконец-то всё встало на свои места.

То-то он удивлялся, с какого перепугу двоюродный брат вздумал угощать его лакомствами.

Если подумать, Сяочань был всего на год младше него, в этом году ему исполнилось восемнадцать. Поскольку его семья принадлежала к чужакам с другой фамилией, пришлым людям, в деревне им приходилось несладко — заступиться за них особо некому было.

Матушка Ван Сяочаня спала и видела, как бы пристроить дитя посредством хорошей свахи в зажиточный дом, дабы ребенок горя не знал. Вот только достойных женихов всё не находилось, а время шло. Опасаясь, как бы дитя не осталось без жениха, женщина уже подумывала поумерить аппетиты да приглядеться к семьям попроще.

Всех этих тонкостей семейства Ван Чанся толком не ведал — слышал лишь краем уха от самого Сяочаня, да и значения тому не придавал.

Пэй Яо шагал рядом, то и дело искоса поглядывая на приемыша, и вдруг спросил:

— А кто еще тебе плоды да ягоды подносил?

Чанся на миг задумался, а после принялся перечислять:

— Тетушка Цинь давала, бабушка А-Фэнь тоже, да дядя Жун угощал... А, еще Сяотао на днях целую горсть дикой малины принесла.

Ни единого молодого парня в этом списке не значилось.

У Пэй Яо вмиг пропал всякий интерес к расспросам.

«Ну еще бы! Всё верно, никто перед Чанся хвост пушить не станет. Кроме меня самого, в этой деревне решительно никто не находит его хоть чуточку пригожим».

<http://bllate.org/book/17875/1730701>